

Юмористическое фэнтези

Валентина ПАНИНА

*Наречённый
для ведьмы*

18+

Валентина Панина

Наречённый для ведьмы

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Панина В. Г.

Наречённый для ведьмы / В. Г. Панина — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Ничего не предвещало проблем, пока бабушка Таисии, бывшая Ведьмой, не задумала помирать. Призвав внучку к смертному одру, она взяла с неё обещание: когда помрёт, Таисия будет жить в её избушке. Таисия опрометчиво поступив, дала обещание, чтобы бабушка могла спокойно отойти в мир иной. И вот теперь, проклиная себя за слабохарактерность, она живёт в бабушкиной избушке, а кот Виконт и домовой Гриня пытаются её воспитывать. А тут ещё на её голову свалился боярский потомок из параллельного мира.

© Панина В. Г., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Валентина Панина

Наречённый для ведьмы

Глава

I

События, описанные в романе, к историческим фактам не относятся и не претендуют на достоверность.

Фантастическая история произошла в далекой, почти сказочной Руси, после Крещения, когда сказка вполне мирно сосуществовала с повседневной жизнью, а колдовство и чародейство было обычным, почти повседневным делом. Колдуны и ведьмы преследовались инквизицией и сжигались на костре.

Светозар, в будущем Санька – сын боярина, наследник большого имения и огромных земельных угодий. Мятежный послушник Новгородского мужского монастыря, рельефную мускулатуру унаследовал от средневекового воина, родоначальника их семейства боярина Мстислава Славного, всю жизнь состоявшего в дружине князя. Светозар был высок, строен и с благородной осанкой. Восставший, против беспредела монахов, и обидевшийся на Спасителя нашего, сбежал из монастыря и случайно, через открывшийся портал, попал в параллельный мир и оказался в нашем времени.

Добромысл – статный седой мужчина лет восьмидесяти, живёт в лесу, в тишине и спокойствии. Для кого колдун, для кого ведьмак, кому как нравится, а ему без разницы, как его называют, лишь бы не лезли в его жизнь. Он не афишировал свои способности, потому что ему не особо хотелось попасть на костёр, как ведьмаку. Люди его способностей обществом не приветствовались и инквизицией преследовались, так как все случавшиеся беды приписывались ведьмам и ведьмакам.

Бажен – старый монах, наставник и учитель Светозара, добрейшей души человек, с тоской вспоминает былые времена, когда он ещё мог изменить свою жизнь, а теперь вдруг осознавший, что жизнь прошла мимо него. Не пожалел его Господь, не подсказал, не наставил на путь истинный, вот и не оставил Бажен на этой земле потомства. А жаль! Хороший человек, старый монах, душевный.

Таисия Безбрачная – конечно же, перед нами начинающая молодая ведьма мечтающая выйти замуж, правда, пока ещё не определилась, каким должен быть муж, каждый день он представлялся ей в ином облики. Когда переехала жить в бабушкину избушку, слово «покой» начисто исчезло из её лексикона. Ну, а про замужество и говорить нечего, где в лесу найдёшь, хотя бы завалящего жениха? Проблема... Хотя... Судьба ей подкинула одного малахольного боярского потомка.

Полифем – спасённый Таисией от смерти отшельник, изгнанный из своего жилища и заговорённый злобной колдуньей на смерть. Сплошная гора мышц, а морда только детей пугать, но это только на первый взгляд, а вообще он спокойный и работающий.

Кот Виконт – ну этот кот всем котам кот. Говорящий, переживший не одну хозяйку, научившийся кое-какому волшебству, мечтающий превратиться в мужчину и жениться на Таисии. Пока превращение не получается, но он оптимист и не теряет надежды.

Домовой Гриня – беззлобное существо, следившее за порядком в доме и защищающий дом от всякой нечисти и злых людей. Живёт в доме не один век и лаптей стёр несчётное количество. Леший уже начинает роптать, надоело ему плести Грине лапти, предлагает поменьше бегать по дому, в крайнем случае, можно ведь и босиком.

Джеффри – Демон, Властелин огненного мира, пробираясь через портал в параллельный мистический мир, получает ранение от воина-охранника портала и что-то там происходит с

порталом, толи искривление пространства, толи в сфере какое-то преломление неправильное произошло и попадает он к Таисии. Влюбляется в Ведьму и решает забрать её с собой в свой мир, но к этому времени у Таисии уже появился постоялец, боярин Светозар, вернее, теперь уже Санька, и Таисия грозит уничтожить Демона, если он не откажется от своих притязаний на неё. Демон начинает преследовать Саньку.

Чёрт Франия – спутник Светозара (Саньки) в путешествии в параллельный мир. Слишком много набедокурила эта нечисть рогатая в своей жизни, и теперь чёрт мечтал найти, если не портал, так хоть малюсенькую дырочку в параллельный мир, чтобы исчезнуть и избежать наказания за свои проделки.

Шер – прирученный Таисией белый волк-оборотень, появляющийся неожиданно, но всегда там, где нужна кому-то его помощь.

Новгород делился Волховом на Торговую и Софийскую стороны. На Торговой части находился рынок, где происходили торги, там же на этой стороне был помост, с которого обращались с речами на вече. Около помоста была башня с вечевым колоколом. Софийская сторона называлась так, из-за находящегося там Софийского собора. Город был разделён на пять концов (районов). За каждым концом была закреплена земля (пятина). Кроме пятин существовали более отдалённые владения – волости.

Весна с каждым днём всё быстрее шагала по земле, всё настойчивее заявляя о своих правах. Снега оставалось с каждым днём всё меньше. Хрустальные сосульки, срываясь с резных крыш со звоном падали, разбиваясь в мелкие кусочки и на солнышке, быстро таяли. Их маленькие лужицы, соединяясь друг с другом, превращались в ручейки и бежали по улице, вливаясь в грязный весенний поток, который уносился в овраги. Птицы оглушительно кричали, радуясь весне и строя себе гнёзда на ещё голых деревьях. Воробьи купались в лужах, поторапливая весну.

Мужики с возами, увязая в снежной каше, по распутице, спешили по последнему санному пути привезти меха, соль, красную рыбу на рынок в Торговую часть Новгорода. Из ближних и дальних погостов боярские дружины везли воск, мед, кур, солод, хмель, бочки с пивом, масло, лен и шерсть.

Со всей великой земли русской собирались гости на торги по последнему санному пути в Новгород. В торговой части города было шумно и суетно.

Старики всё чаще выходили из своей избы погреться на весеннем солнышке, снимали шапки, вдыхали весенний особенный воздух, пахнувший подтаявшим снегом, сырой землёй и набухшими почками. Почёсывая головы, гадали, какая будет нынче весна. Даст ли Бог урожай, не погорят ли травы и достаточно ли густыми будут, чтобы заготовить сено на зиму. Мальчишки взапуски бегали по лужам, брызгались, кричали громче воробьев. Девки, радуясь весне, в предвкушении праздника Ивана Купалы, звенящими голосами запевали вечерами по дворам...

Князь Святослав Любомудрый, расстегнувшись и заломив соболью шапку, стоял на ветру, на высоком берегу Волхова, и жадно вдыхал весенний запах тающего снега и разогретой смолы, которой мужики промазывали корабли и ладейки. Вот-вот тронется лед. Вот оно, счастье! Эх, удал молодецкая!

Боярин Мстислав Славный, имел в своём владении сельцо и обширные земельные владения, пожалованные когда-то князем его отцу, Любомиру Славному. Сыновья дружинников обыкновенно становились такими же верными слугами князя или его преемника, как их отцы. Земли, так же как и служба у князя переходила от отца к сыну. Половники, сидевшие на землях Мстислава, снимали угоды на льготных условиях – из третьего снопа. Как и все бояре, он служил в дружине. В Новгороде ведущую роль в управлении городом играло вече – собрание

горожан. Они выбирали князя и посадника, устанавливали размеры податей и размеры дани князю и решали вопросы войны и мира. На вече, по предложению князя Святослава Любомудрого, посадским был назначен Мстислав Славный. По состоянию здоровья и в связи с новым назначением, в набегах на соседние волости, Мстислав уже не принимал участие. Он женился на красавице Любославе, привезённой из соседней волости после набега. Теперь его счастью не было предела. Мстислав с большим нетерпением дожидался наступления темноты, чтобы подхватить свою жену-красавицу сильными руками и унести в опочивальню. Там Любослава медленно развязывала повойник, вынимала серьги из ушей, распускала опояску..., зардевшись, как маков цвет, она медлила. Мстиславу не хватало терпения дождаться, когда жена скинет с себя одежды, он подходил к ней, чтобы помочь.

– Подожди! – шептала, смущаясь, Любослава, – стесняюсь я.

Дрожащими руками Мстислав нетерпеливо срывал с неё рубаху, она не сопротивлялась, обнимала его за шею полными руками, зарываясь лицом в бороду. Он нёс её на постель, ложился рядом, прижимаясь своим сильным горячим телом к ней, такой родной и желанной. Она чувствовала его всего, и его желание приводило её в трепет. Её охватывала жаркая волна, которая быстро опускалась вниз живота и разливалась там, вызывая томление, и она с нетерпением ждала его... а, Мстислав гладил её груди, целовал в шею, в сочные горячие губы, чувствуя её трепет и жар, накрывал её своим сильным горячим телом и счастливо улыбался, услышав её счастливый стон.

Отдыхая, Мстислав лежал, прижимая её к себе. Любослава, прильнув, ласкалась, гладила по груди, накручивая завитки волос на пальчик. Он, полузакрыв глаза, наслаждался, бережно, натягивая на неё сбитое в ноги шубное одеяло. Она шептала:

– Ладно, родной!

Он гладил её грудь, медленно проводил рукой по животу и останавливался на таинственном треугольнике, чувствуя, как тает под его рукой, принося к нему, пышное горячее тело жены.

– Моя..., – он прикивал к её губам страстным поцелуем.

Спустя положенное время, Любослава подарила Мстиславу наследника, сына Светозара.

Шли годы, боярский сын рос и радовал сердца родителей. Он стал красив, статен и высок для своих лет, крепкий, веселый и добрый. Лицом походил на мать, голубоглазую боярыню Любославу, и очень любил её. В новолуние, месяца листопада Светозару исполнилось четырнадцать лет, и жизнь его резко изменилась. Он был единственным ребёнком бывшего дружинника, боярина Мстислава Славного. С годами раны, полученные в боях с врагами князя Святослава Любомудрого, всё чаще стали давать о себе знать и уже никакие припарки, примочки и мази не помогали Мстиславу. Травницы, пользовавшие его своими зельями, на три метра в стороны разводили руками в недоумении, признавая свою несостоятельность.

Светозару пошел пятнадцатый год, ему отвели другую клеть, подальше от родительской опочивальни и приставили к нему вместо няни Миролюбы дядьку-воспитателя, бывшего дружинника, Верислава. Теперь большая часть дня проходила у Светозара в занятиях. Его деревянный меч сменился настоящим, стальным и тяжёлым. Теперь, то, что раньше было интересной и увлекательной игрой, стало наукой. Верислав взялся за воспитание боярского наследника со всей ответственностью. Здоров был бугай, одной рукой у соседа телегу, поставленную на дороге, перевернул, так сосед обиделся и пообещал ему, что в следующий раз соберёт братьев и наденет эту телегу Вериславу на голову. Методы у бывшего дружинника, конечно, не всегда конституционные, энтузиазма через край, но если результат положительный... Словом, правдолюб, и порядок любил. Правду всегда говорил прямо в глаза, если до кого-то не доходило, то кулаком в лоб и сразу всё становилось понятным и неоспоримым.

Всё дальше уходило лето, по утрам трава покрывалась изморозью, с каждым днём становилось всё холоднее, а вскоре и снег повалил, наступила зима. Боярин Мстислав с каждым

днём всё больше недомогал, исхудал, пожелтел, кожа на лице и руках стала как пергамент. К Рождеству слёг совсем. Старые раны давали о себе знать. Не дожив до весны, Мстислав скончался. Теперь Любослава лёжа одна в холодной постели вспоминала о его объятиях, о том, как замечательно он целовал её, как она таяла под его умелыми руками, как сладко ныла грудь под его ласкающими пальцами. Она вспоминала, каким он был ненасытным и жадным, напористым и требовательным. Ей очень его не хватало, она тосковала, иногда целыми ночами не могла уснуть, грудь наливалась и ныла от сладкой боли, томясь ожиданием его прикосновений, которых отныне была лишена. Любослава плакала, вставала и долго ходила по опочивальне, кутаясь в шаль.

Вскоре Любослава занемогла. Лекари говорили: дотянет до тепла – выживет, только надо бы её каждый день выводить в бор подышать сосновым воздухом. Не пережив потери мужа, она стала угасать с каждым днём всё больше и больше. Вскоре она перестала вставать с постели, отказывалась от еды. Однажды утром Любослава попросила нянечку Миролюбу привести к ней Светозара. Она долго держала его за руку и молча смотрела на сына, не обращая внимания на крупные слёзы, которые скатывались из глаз к вискам и терялись в её густых волосах. Попрощавшись с сыном, и не пережив этого дня Любослава тихо скончалась на вечерней зорьке. Подросток не сразу осознал важность и необратимость перемены беспечального прошлого на горестное настоящее. Верислав, прекратив занятия со Светозаром, ушёл из поместья и нанялся на работу подручным к гончару. Нянечка Миролюба уповала на помощь князя Святослава, что он возьмёт сироту под свою защиту, но её надеждам не суждено было исполниться. Князь был занят набегами и красавицами-рабынями, привезёнными из завоёванных волостей. Дружина у Святослава была многочисленной и сильной. Он много лет со своей дружиной удерживал свои волости и защищал их от набегов. Ему сообщили, что его посадский Мстислав Славный скончался, князь посмурнел лицом, тяжело вздохнул и задумался, кого посадить на место почившего боярина.

Неожиданно началась очередная усобица между волостями. Князь Ярополк совершил набег на волость Святослава, прилегающую к его землям. Князь Святослав кликнул свою дружину, и быстро расправившись с дружиной князя Ярополка, захватил его волость. Князь Ярополк вместе с остатками дружины и своей семьёй бежал из волости. Князь Святослав прибавил к своим землям ещё одну волость. Всех рабов он под охраной отправил в своё имение. Святослав не отделял своих выгод от выгод дружины и делился с ними всем. Волости, которые они воевали, Святослав наказывал не рушить и не жечь, соблюдая свою выгоду. Лишних вир не налагал на людей, но где приходилось взять правую виру, то брал и отдавал дружине на оружие. А дружина этим кормилась. Князь не давал дружине расслабиться. Время от времени слышался звон колокола, созывающий народную думу. Дружину составляли княжьи мужи, бояре. Они занимали высшие должности, военные и гражданские, – посадника, тысяцкого, воеводы. Они же были советниками князя и наиболее влиятельной составляющей вече. Что касается благочестия князя Святослава, то оно ограничивалось только внешним исполнением обрядов, а когда дело доходило до удовлетворения страстей, то на заповеди религии и на служителей её он, мягко говоря, не обращал внимания. Натура князя увлекающаяся, где-то самодурствующая, но вполне себе отходчивая.

Никогда ещё родительский дом не производил на Светозара такого удручающего впечатления, как после похорон родителей. Большая сводчатая зала, освещаемая узкими стрельчатыми окнами, которые выходили в старый сад с большими яблоневыми деревьями, походил на могильный склеп. Стулья с высокими спинками, тёмные, бархатные портьеры, всё это оказывало на него гнетущее впечатление. Дом – полная чаша. Добра в амбарах полно: шкуры, мёд, вина заморские! Рожь, пшеница, ячмень. Кони в конюшне – любо-дорого посмотреть! Родной дом вдруг стал чужим и холодным.

Вся челядь разбежалась, да и зачем им было оставаться, раз хозяева имения померли. Правда старенькая няня Светозара, Миролюба, не захотела барчука оставлять одного в этом огромном и мрачном доме. Ему было четырнадцать полных лет, до совершеннолетия он не мог управлять имением, челядью и решать вопросы людей, живущих в сельце его родителей.

Светозар сидел за обеденным столом и мысли его витали там, где родители были живы и он был счастлив. Только сейчас он понял, какое это счастье, когда родители рядом, когда можно с ними поговорить, когда можно прижаться к маминой груди, вдыхать её такой родной и любимый запах и почувствовать её ласковые руки, глядящие его вихры. Всклипнув, он закрыл лицо ладонями, ощущая, как помимо его воли, по щекам бегут горькие слезы, обжигая щёки. Он сдерживался, как мог, старался быть стойким, ему казалось, что он уже взрослый и не должен плакать, но было настолько больно и страшно, что Светозар, обхватив голову и тихо заскулил. Дверь открылась, вошла няня. Она несла Светозару на подносе обед. Накрыв на стол и разложив вышитые птицами салфетки, подошла к подростку, погладила по голове, прижала его голову к своей пышной тёплой груди.

– Покушай, дитятко, тебе надо сил набираться, расти! – она отошла и села за стол рядом со Светозаром, с жалостью и тревогой посмотрела на него и тяжело вздохнула. Она не знала, что ждёт её воспитанника, которого выпестовала с самого рождения, и горе наполняло её сердце.

– Нянечка Миролюба! Я так скучаю по матушке и батюшке, что мне иногда даже просыпаться не хочется.

Нянечка, тяжело вздохнув, наклонила голову Светозара и поцеловала в вихрастую макушку.

– Не кручинься, дитятко, они оттуда, – она подняла глаза к потолку и перекрестилась, – тебя видят и радуются всем твоим успехам. Если ты будешь грустить и плакать, то им там тоже будет плохо.

В дверь раздался громкий стук. Парнишка испуганно посмотрел на нянечку. Слуги все разбежались, и открыть дверь было некому. Старушка тяжело поднялась и пошла к двери.

– Нянечка! Кто это может быть? – прошептал Светозар, – может, матушка с батюшкой вернулись?

– Христос с тобой, дитятко, – она широко перекрестилась, посмотрев на красный угол, где стояли образа, перед которыми горели свечи, – пойду, посмотрю.

Миролюба тяжело ступая и, что-то шепча себе под нос, ушла открывать дверь. За дверью стояли два огромных монаха с хмурыми лицами, прикрытыми капюшонами. Они поклонились старушке.

– Мир вашему дому! Здраве буде, матушка! А что, отрок-то дома? Родичи не забрали его к себе?

– Так никого не осталось, батюшко! – сказала Миролюба, огорчённо поджав губы. – Един, как перст, остался, дитятко малое!

– Войти-то можно, матушка?

– Милости просим, проходите! – нянюшка посторонилась, монахи вошли, перекрестились на красный угол, прошли и без приглашения сели на широкую лавку у окна.

Старушка подошла к Светозару и села рядом с ним. Он почувствовал, что приход монахов ничего хорошего ему не сулит. Светозар положил ложку и испуганно замер, следя за каждым их движением.

– Нас, матушка, игумен прислал за сиротой. Велел забрать его к нам в приют, коли нет у него никого из родни.

– Да как же так, батюшко?! Почему злочинствуете? Дитятко дома будет жить! Я его нянюшка, я его вырастила и никому не отдам! – она обхватила воспитанника двумя руками и прижала к себе, – у него есть крёстная, она его к себе заберёт!

– Ты матушка отойди, не доводи до греха! – сурово сказал монах. – Вишь, как обхватила отрока, задавишь ненароком, налетела, аки орлица на мальчика! У его крёстной своих, мал мала меньше по лавкам! А у нас ему будет хорошо, не сумлевайся матушка, отдай парнишку! – монах встал, подошёл, взял Светозара за руку, вытащил из-за стола и повёл к двери. – Ты лучше иди, одёжку какую-нито собери ему. Нам дан игуменом урок, и мы должны его исполнить!

– Не отдам!! – нянюшка подскочила к монаху и обхватила Светозара, своими слабыми натруженными руками, – налетели, аки тати на сироту, не отдам!! Дома будет жить! Со мной!

– Ты, старуха, не лютуй! Всё одно парнишку заберём, так и не мешай нам, а, ежели не согласная, так иди к игумену и падай в ноги! – монах схватил Миролюбу за руку и отшвырнул в сторону.

Нянюшка, отлетела и, ударившись о стену, потихоньку по ней сползла на пол и заплакала. Тяжело поднявшись и обливаясь слезами, зашла в клеть Светозара и дрожащими руками стала складывать в заплечный мешок кое-какие рубашки, штаны и запасную обувь, а сверху положила мешочек с пирогами. Монахи забрали Светозара и увезли с собой. Нянюшку Миролюбу монахи обнаружили мёртвой, когда игумен послал их заняться именем родителей Светозара. Старуха от горя так и не оправилась, умерла.

Монастырь стоял на правом берегу реки Волхов, к северу от центра города, на краю волости князя Святослава Любомудрого, слегка углубившись в лес.

Вековые деревья за монастырём возвышались, казалось, до небес. Настоятель монастыря преподобный Алексей в Новгороде был чужаком, но епископ благословил его на создание монастыря. Князь Святослав определил десятину от своих даней, вир и продаж на церкви и монастыри в своих волостях. Эти доходы шли на поддержание и украшение церквей и монастыря, на содержание клира, больниц, богаделен, училищ. Преподобный Алексей на долгие годы оказался в конфликте с князем Святославом в связи с его сребролюбием, сладострастием и прочими пороками. К монахам у настоятеля Алексея тоже были претензии.

Монастырский Устав разрешал посещать баню раз в месяц, поскольку это занятие считалось телесным удовольствием. В великий пост от мытья вообще воздерживались. Монахи часто нарушали Устав, Алексей накладывал епитимью на монахов, которые милуют свое тело, переменяют платье, под предлогом праздников учреждают особую трапезу с пивом и долго сидят за нею. Монахи жили в корпусе, который был построен вдоль монастырских стен, внутри разделён на кельи. Игумен Алексей жил в отдельном доме. Монастырь имел обширное и хорошо организованное хозяйство. Его основу составляло землевладение. Разными путями монастырь приобретал земли. Монахи удерживали при себе имущество всех, кто решался на постриг и имел состояние, которое приносил в дар монастырю движимым и недвижимым имуществом. На полях принадлежащих монастырю работали трудники.

В монастыре был многочисленный отряд монахов-воинов во главе с воеводой. Владычный отряд пополнялся братией. Монахи, избравшие воинскую службу, считали, что нет благороднее поступка, чем претерпеть смерть за Христа и не грех убивать других за Него. Воевода сам набирал воинов в отряд, проверяя их на выносливость. Нередко миряне специально перед битвой принимали монашеский постриг, чтобы погибнуть в иноческом чине. При обороне монастыря даже старцы принимали участие. Монашеская ряса вовсе не мешала с оружием в руках защищать монастырь.

Монастырь был огорожен высоким забором, массивные ворота на ночь закладывались бревном толще, чем могли обхватить мужские ладони. Двор внутри был большой с несколькими постройками, в центре стояла церковь.

Светозара поселили в комнату с пятнадцатью послушниками. У каждого была своя постель, на ночь свечу не тушили и каждую ночь дежурил взрослый монах. Старому монаху Баженоу игумен дал урок, присматривать за Светозаром и заниматься его обучением. Баженов с

послушником очень быстро подружились. Теперь единственной радостью и отдушиной в приютской жизни у Светозара был старенький монах, с которым они по вечерам, после исполнения дневного послушания, долго беседовали на разные темы. Бажен понимал его, и Светозар не боялся, что монах донесёт на него игумену за хулу на монахов, которые часто бесчинствовали и издевались над послушниками.

Старец не пытался поработить волю послушника своей воле, все приказания Светозар выполнял беспрекословно. Бажен чувствовал большую ответственность за послушника перед Богом и своими долгими беседами с ним старался привести его к Богу, чтобы его ученику не пришлось нести тяжесть ответа за свои богопротивные поступки. Светозар был прилежным учеником. Он много читал, задавал вопросы монаху, Бажен на них обстоятельно отвечал. Он учил Светозара творить волю Божию и тем приобщиться Божественной жизни. Однажды, зайдя в келью Светозара, монах застал его в глубокой задумчивости. Бажен обратил внимание, что святая книга у Светозара лежит перевернутая вверх ногами. Бажен поинтересовался:

– Это ты так читаешь?

Светозар встрепнулся, посмотрел на книгу.

– Великие книги, как не читай, всё на пользу! – засмеялся он.

Монах молитвою и подвигом своей жизни старался привести послушника к познанию этого пути и воспитать истинную свободу, без которой невозможно спасение. В одну из бесед Бажен сказал Светозару:

– Совершение добрых дел, послушание, стойкость, мужество, нестяжание, смелость и другие добродетели, господствующие в монашеской жизни, делают из неё истинную угодную перед Богом жертву.

– Что значит нестяжание? – поинтересовался Светозар.

– Обет нестяжания обязывает отказываться от всех земных благ. Принявший постриг отказывается от любого пристрастия к вещам, предметам и всему другому, что может отвлечь его от молитвы и благочестивой жизни. Будь смиренным и кротким: у гордого – в сердце дьявол сидит, и божие слово не прильнёт к нему, – наставлял Бажен, – терпи обиды, не плати злом, не убий, не украдь, не лги. В напасти терпи, имея упование на Бога. Ещё Мономах говорил своим детям: «Страх имейте божий в сердце и милостыню творите неоскудную, потому что здесь начало всякому добру. Триema добрыми делами побеждается враг наш, дьявол: покаянием, слезами и милостынею. Бога ради, не ленитесь, дети мои, не забывайте этих трех дел, они не тяжки: это не одиночество, не голод, которые терпят некоторые добродетельные люди, таким малым делом можете вы получить милость Божию... Послушайте меня, если не можете всего исполнить, то хотя половину. Просите Бога о прощении грехов со слезами, и не только в церкви делайте это, но и, ложась спать. Не забывайте ни одну ночь класть поклонов, потому что ночным поклоном и пением человек побеждает дьявола и получает прощение грехов».

Светозар внимательно слушал своего наставника и пытался осознать сказанное. Ему было непонятно, за прощение каких грехов, он должен слёзно просить Бога. Он не знал за собой грехов ни больших, ни малых. Может, сам факт его рождения, тем, что он заставил свою мать страдать является грехом? Решив потом, как-нибудь, поинтересоваться этим у Бажена, он взял книгу, перевернул её и стал читать на заложенной странице. Бажен, чтобы не мешать Светозару, вышел и потихоньку прикрыл за собой дверь.

В монастыре время распределялось между богослужением, уединенной молитвой, душе-спасительным чтением и физическим трудом. У Светозара после чтения Священного Писания всегда возникало много вопросов и вечерами они с Баженом долго беседовали. В одну из таких бесед Светозар спросил:

– Бажен! Расскажи мне о послушании.

– Отрок! Я думал, что ты об этом уже всё знаешь!

– А кто меня просветил? Ты же мой наставник, вот и делись знаниями со своим послушником!

– Не дерзи, отрок!

– И в мыслях даже не было! – Светозар с иронией изогнул бровь. В нём иногда давала о себе знать боярская кровь, да и не видел он своей судьбы в монашестве и потому позволял себе иногда пошутить над своим наставником.

– Добро, когда так! Садись и слушай! – сказал примирительно Бажен. – Вступление в таинство послушания – один из трех монашеских обетов – означает вступление в тайну Христа. Два других обета – девство, или целомудрие, и отказ от материальных благ, – в полной мере находятся в великом таинстве послушания. Без него ни священство, ни умная молитва, ни пост, ни бдение не спасают. Через повиновение, послушание инок подражает Христу в Его послушании Отцу, становясь сыном Божиим.

– Ты хочешь сказать, – прервал его Светозар, – когда пройдет мой постриг, я должен буду отказаться от своего сельца с крестьянами и от своего дома?

– Светозарушка... боюсь, что тебе уже не от чего отказываться... – пряча глаза, прошептал монах.

– Это как? А мой дом?

– Твой дом, земли и сельцо, скорее всего, уже стало монастырским!

– Бажен! А ты случайно не возводишь хулу на игумена?

– Бумаги дарственные будешь подписывать перед постригом, а пока ты несовершеннолетний, следить за твоим движимым и недвижимым имуществом будут монахи.

Годы шли в долгих молитвах. Послушники подрастали и стали интересоваться внешней жизнью, а особенно, когда кому-то удавалось подслушать разговор монахов о женщинах и блуде, тогда они перед сном долго и с интересом обсуждали услышанное. Иногда послушники слышали, даже, раздоры между монахами. Были братья, которые проявляли небрежение к службе, не хотели умерщвлять свою плоть и даже доходило до драк, с пытавшимися их дисциплинировать. Монахи жили по пословице: – «Человек человеку волк, клирик клирику – ещё волчее, монах монаху – волчее некуда». Монастырь – это своеобразный мирок, который живёт по своим законам.

Бажен, приходя к Светозару, пресекал разговоры послушников о греховном.

– Вы должны бороться с пороками, чтобы победить свою плоть и в постоянных молитвах просить Господа отпустить вам ваши грехи и не заниматься рукоблудством! – строго выговаривал Бажен послушникам.

Однажды, отчитав послушников за греховные мысли, Бажен прошёл и сел. Послушники увидев, что монах обосновался надолго, встали и вышли из комнаты. Они, видимо, были не согласны с монахом, и им хотелось продолжить разговор на интересующую их тему. Светозар посмотрел им вслед и, когда за ними закрылась дверь, повернулся к старцу.

– Бажен! Вы знаете только любовь к Богу, а есть ещё другая любовь, которую вы считаете пороком – любовь к женщине! Неужели, когда вы были молодым, вам не хотелось познать женщину? – спросил Светозар.

– Мы должны умерщвлять свою плоть, чтобы даже в мыслях не возникало соблазнов! Ты, Светозарушка, так рассуждает о любви к женщине, как будто знаешь, что это такое! Молод ты ещё и выбрось эти мысли из головы, чтобы не нажить неприятностей.

– Я помню, с какой любовью мой отец смотрел на маму. Я давно вырос, Бажен, ты не заметил? Я уже не тот, каким ты меня увидел впервые и я не хочу, чтобы меня били розгами, просто потому что так положено! Я готов понести наказание, но заслуженное!

– Ни одной добродетели нельзя взрастить в душе без послушания, без смирения, – говорил старый монах Светозару, – нельзя говорить о терпении, любви, кротости, не имея в каче-

стве основы духовной жизни, тайну Христа – послушание. Наказание розгами приводит к усмирению гордыни и послушанию, а молитва Богу – получить прощение своих грехов.

Некоторые послушники, чтобы заработать себе льготы, наушничали, и тогда оговорённому приходилось туго, его секли розгами, пока кожа не превращалась в кровавое месиво. Светозару тоже угрожали наговором подвести его под розги, но Бажен обещал за своего ученика загнать обидчика на веки вечные чистить выгребные ямы. До поры до времени он сдерживал порывы завистников. Но и Светозар дожил до того момента, когда ему велели лечь на скамью и высекли розгами дабы у него даже в помыслах не возникало желание согрешить. Светозар видел ехидные взгляды и смешки послушников и похотливые некоторых монахов. Его взяла злость, и он лишний раз для себя утвердился в мысли, что монашество не для него, и решил: надо бежать отсюда.

Светозар знал, что сбежавшие из монастыря послушники, подлежали задержанию и возвращению, а в необходимых случаях – и помещению в монастырскую тюрьму, но это его не страшило. Он не сомневался, что за ним отправят монахов-воинов в погоню, потому что слишком большое наследство Светозар получил от родителей и игумен Алексей не хотел его лишиться. А для этого он должен подвести послушника Светозара под постриг, чтобы получить от него дарственную на угоды, поместье и сельцо. Бажен, когда узнал о планах Светозара, пришёл в ужас. Он начал отговаривать и успокаивать Светозара.

– Послушай меня, старого человека, глупый инок! Ты же знаешь, что отсюда убежать невозможно! Даже, если у тебя получится, тебя обязательно найдут и тогда я ничем не смогу помочь! Не злись, Светозарушка, розги – это для твоего же блага! Мы должны чувствовать, как ничтожны, и каждую минуту благодарить Бога, за его любовь к нам.

– Я что, только через розги могу почувствовать Его любовь ко мне? Я только через боль и унижение могу быть благодарным, что Он проявил ко мне свою любовь?

– Светозар! Не богохульствуй..., прошу тебя! – Бажен не смотрел ему в глаза.

Он был согласен с этим мятежным послушником, жалел его, но ему трудно было думать, что его-то жизнь прошла именно здесь и он, в своё время, тоже через всё это прошёл. По молодости ему тоже хотелось взбунтоваться, но он не был решительным, и силы воли у него не хватило изменить свою жизнь. Да и ничего не умел делать, чтобы начать новую жизнь там, за монастырским забором.

Однажды утром, сразу после раннего завтрака всех иноков вывели на площадь за церковью, где обычно наказывали послушников. Там, привязанный к скамье лежал знакомый послушник из кельи Светозара, и его хлестали розгами. Светозар схватился за рукав рясы Бажена, и прошептал:

– Бажен! Это бесчеловечно! За что?! – он закрыл глаза.

Светозар не мог спокойно смотреть на эту жестокость, во время которой двое монахов, избивающие послушника весело переглядывались, похоже, получали от этого удовольствие.

– Светозар! Молчи, а то будешь следующим! – прошептал монах.

Светозар открыл глаза, увидел, что спина послушника вся в крови, и он уже даже не кричит, у него закружилась голова, и он стал падать. Бажен подхватил его. Они достояли до конца экзекуции, и Бажен привёл Светозара в свою келью.

– И вот это избиение человека ты называешь очищением?! Желание превратить человека в скота, заставить извиваться и визжать от боли – это, по-твоему, очищение?! – возмущённым шёпотом выговаривал Светозар наставнику.

– Телесные муки возвышают человека и приближают к Богу! – печально ответил Бажен.

– Это, каким же чудовищем должен быть Бог, если к нему можно приблизиться только таким способом? – возмущался Светозар, схватившись за голову. Его густые длинные волосы были забраны в пучок и перевязаны верёвочкой. Над ухом выбилась из пучка прядка волос

и закрутилась колечками, опускаясь по щеке до кучерявой бороды пшеничного цвета. Бажен подошёл к своему ученику, убрал выбившуюся прядь ему за ухо и тяжело вздохнул.

– Путь в царствие небесное лежит через покаяние! – заверил старый монах своего подопечного.

– Мне не нужно царствие небесное, в которое нужно ползти на четвереньках в корчах и визге от рвущих кожу розог, очищающих меня от грехов, которых я ещё не успел совершить!

– Светозар не богохульствуй! Грех так говорить! Грех может быть не только содеянный, но и в помыслах! А того инока застали у забора, подглядывающим через щель за проходящими мимо женщинами и занимающимся рукоблудством. Он заслужил это наказание.

Светозар за годы пребывания в монастыре достоверно знал, что некоторые из монахов, не только злоупотребляли возлиянием медового пива в трактирах, но и девок по углам тискали. За стенами монастыря монахи предавались грубым страстям, которым давался полный разгул. Многие содержали любовниц, имели даже детей. Тайно посещали развратных женщин. Они совсем не гнушались обмана. Старый монах Бажен все эти годы был рядом со Светозаром, а, когда совершеннолетие наступило, игумен просто не отпустил Светозара из монастыря и стал готовить его к постригу. В Уставе сказано, что это дело добровольное, но в его случае было добровольно-принудительное.

Светозар сидел в келье и изучал Устав монастыря. В Уставе пункт семь "Об отношении игумена к братии" гласит: "...игумену иметь всю братию в любви..." Светозар, прочитав эту фразу, долго и громко хохотал, дверь кельи открылась, вошёл монах, сделал ему замечание за недостойное поведение, а, когда узнал, по какому поводу он веселится, доложил игумену, и Светозара посадили на хлеб и воду на целую седмицу. Светозар хоть и жил в монастыре, но до четырнадцати лет находился дома с родителями и общался со сверстниками, так что вырос он не на одних молитвах и чувством юмора не был обделён. Светозар перед самым постригом решил сбежать из монастыря. Он долго готовился, очень сложно было запастись едой. Он несколько дней не ел хлеба, а свою пайку прятал. Ему пришлось ночью, крадучись, пробраться на кухню и взять кресало. И вот, наконец, наступила ночь, когда Бажен подал своему подопечному заплечный мешок с бутылкой воды и меч, который, взяв грех на душу, снял с пьяного монаха. Светозар сложил в мешок свои пайки хлеба и надел его на плечи. Среди ночи послушник со своим наставником тихо выскользнули из кельи Бажен и молча, как две тени пробрались к забору.

Обнявшись со своим учеником, старый монах наклонился, подставив Светозару свою спину. Послушник, аккуратно встал на неё, дотянулся до верха плотного забора, подтянулся и прыгнул на другой стороне. Прикинув к забору, Светозар шёпотом сказал:

– Бажен! Спасибо тебе за всё! Да хранит тебя Господь! Будь здоров и не поминай лихом!

– И ты будь здоров, Светозарушка, я буду скучать!

– Прощай, Бажен!

– Прощай Светозар! Храни тебя Господь! – и Светозар услышал, как его наставник всхлипнул.

Бажен вытер мокрые от слёз щёки, повернулся и пошёл в свою келью. Ему сейчас не хотелось никого видеть, в церковь тоже не стал заходить, решив, что грех, взятый на душу за своего послушника отмолит позже. Пришёл в келью, сел к небольшому столику и задумался о своей никчемной жизни. Старческие тягучие мысли о своей немощи скользили мимо, отстранённо, как будто они были не о нём, а о совершенно постороннем человеке. Он посмотрел на свои руки, перевитые склеротичными узлами вен. Жизнь прошла... в служении Богу... а в результате счастливее не стал, родных потерял, добра и наследников не нажил. Он сидел и его мысли равнодушно, не задевая души и не волнуя сердце, текли медленно, переходя с одного события на другое, и оказалось, что в его жизни ничего такого не было, что могло взволновать

или согреть душу. Он подумал о своём послушнике с большим теплом и завистью, вот ему бы так в молодости, сорваться в побег, и тогда бы его жизнь сложилась совсем по-другому.

Бабушка Таисии была сильной ведуньей, а у Таисии очень рано обнаружились магические способности, и бабушка решила передать внучке знания травницы, магические и колдовские секреты и премудрости. Таисия схватывала всё на лету, благо, что её врождённые способности помогали быстро освоить, то, что передавала ей бабушка. Вскоре, когда бабушка была на смертном одре, Таисия, чтобы не расстраивать старушку опрометчиво пообещала, когда её не станет, она будет жить в её избушке и помогать деревенским жителям по мере сил.

Таисия приехала жить в бабушкину избушку, как и обещала. Домовой, живший на чердаке, увидев подошедшую к избушке Таисию слез с чердака и вышел ей навстречу. Ему было лет триста, и он был ещё бодрячком и помирать не собирался. Ещё чего? С какой стати? Внешне Домовой выглядел, как и сто лет назад. Лохматая шевелюра, лишь по большим праздникам, видевшая старый деревянный гребень, была рыжая и торчала в разные стороны. Косолапые ноги шустро носили его по дому, исправно стаптывая лапти, которые ему плёл Леший по старой дружбе. Домовой был Таисии по колено. Он очень гордился своей внешностью и как любой мужчина был самовлюблённым. Домовой считал свой рост нормальным, для мужчины в самом расцвете сил и был уверен, что главное не рост, а размер. Он умел проходить через стены, дымовую трубу, заходить в закрытые двери, оберегать дом от злых людей, непрошенных гостей, и отгонять от дома беду. Много чего умел Домовой, но за его почти три сотни лет жизни, Таисия уже четвёртая хозяйка и он очень сокрушался, что уходящих хозяев удержать не смог. Когда внезапно, перед Таисией появился маленький, не более полуметра, мужичок, с растрепанными волосами и носом картошкой, новая хозяйка избушки едва не приложила его убийным заклинанием. Но решив, что с этим успеется, остановилась. Домовой задумчиво поскрёб затылок, наклонил лохматую голову набок и спросил, прищурив глаз:

– Девочка! Ты, правда, ведьма? Мне, как здешнему Домовому очень важно это знать, потому что я здесь живу очень давно и мне не всё равно с кем жить!

– Здравствуй, Домовой! Мы же с тобой уже, кажется, встречались! Ты не узнал меня?

– Узнал, но в прошлые приезды мне тебя никто не представил!

– Меня Таисия зовут, и бабушка говорила, что у меня есть способности. Надеюсь, мы подружимся!

– Здрава будь, сильномогучая Колдунья!

– С чего ты, Домовой, взял, что я сильномогучая?

– Мы, Домовые, обязаны знать, с кем имеем дело, в смысле, в чьём доме живём и о чьём благополучии заботу проявляем!

– Как тебя звать, заботливый?

– Гриня я, уже почти три сотни лет!

– Ты, Гриня, меня встречать вышел?

– Я, на данный момент, как единственный представитель этой недвижимости обязан был тебя встретить!

Тут на крыльце появился чёрный блестящий огромный кот, потянулся, сел и посмотрел на Таисию и Домового огромными зелёными глазами.

– Ты, Гриня, много на себя не бери! Мля, мля, мля! Ты не единственный представитель здешней недвижимости, есть ещё я и, если ты не забыл, я могу превратить тебя в мышь и удавить в один миг! – сказал кот и стал вылизывать свою и без того блестящую шёрстку.

– Ладно, Виконт, не сердись! Ты же не вышел встречать новую хозяйку, мне пришлось одному отдуваться, вот поэтому я так и отрекомендовался! – покаялся Домовой.

Таисия посмотрела на Домового, потом на кота и улыбнулась.

– Я думаю, мы с вами поладим, Гриня и Виконт!

Таисия повернулась и пошла в избушку. Домовой вслед ей крикнул:

– Чтобы в доме был порядок!

Таисия повернулась и, усмехнувшись, поинтересовалась:

– А то что?

– Понимаешь, девочка! В жизни, всё складывается, таким образом, который мы заслужили! Если ты вдруг не будешь придерживаться общепринятых правил общежития...

Таисия, не дослушав Домового, сказала:

– Ты не Домовой! Ты философ!

– Это ещё кто такой? Ты меня, Домового, обидеть хочешь? – изумился он.

– Это я тебе комплимент сделала, а чтобы тебе было понятнее – похвалила.

– Йолыпалы... так меня ещё никто не хвалил!

– Мы, Гриня, потом с тобой всё обсудим, и ты мне поведаешь, какие у вас тут правила.

А пока у меня дел, море!

Таисия, устроившись в бабушкином доме, в первую очередь решила сделать генеральную уборку, потом просмотреть бабушкины рецепты, запасы трав и порошков. Просмотрев рецепты, она отобрала некоторые и начала варить по ним зелье. Через некоторое время ей стало скучно использовать опробованные рецепты и Таисия начала в бабушкины рецепты и заклинания вносить свои коррективы. Деревенские одинокие женщины и девушки на выданье, узнав, что у них появилась молодая ведьма, валом повалили не столько за приворотным зельем, сколько посмотреть на неё. Таисия зажила безбедно и ни в чём нужды не знала. Женщины рассчитывались продуктами, мужчин она просила заготовить ей дрова на зиму. Таисия была озабочена защитой своего дома и себя лично, долго искала нужное заклинание о защите дома от недобрых людей, и от проникновения злых сил, в бабушкиных рецептах и магических книгах. Теперь вокруг её дома стояла надёжная защита, которая не пропускала людей с затаённой злостью, с плохими мыслями и злыми намерениями.

Некоторое время Таисия искренне надеялась, что на деревню нападёт какая-никакая нечисть или, скажем, нежить, учинит в округе какое-нибудь непотребство, и она сможет показать, что её дело не только раздавать зелье для увеличения народонаселения, но и мочить всякую пакость. Но её чаяниям сбыться было не суждено. Повинуясь чувству самосохранения, издавела чувствуя силу этой молодой ведьмы, нечисть обходила деревню стороной, а к её дому вообще носа не казала.

Глядя на дом Таисии, возникало ощущение, что он не просто старый, а построен лет триста назад. Почерневший от времени и обросший мхом, казалось, что он уже не боялся ни морозов, ни жары, ни дождя, ни снега. Крыша настолько обросла плотным слоем мха, что ни одна капелька дождя не проникала сквозь него в дом. Таисия, получив его в наследство от бабушки, нашла в деревне мужичка столяра, и он отремонтировал и расширил окна, стало чуть светлее в доме. Ступени крыльца истёрты многими поколениями ведьм, живших в этом доме, расположенном на небольшой полянке возле озера, столяр тоже подправил.

Таисия неожиданно получила приглашение явиться на шабаш, которое принёс ворон, чёрный, как ночь с такими же чёрными глазами. Появившись на ветке дерева, растущего рядом с избушкой молодой ведьмы, которая совсем недавно здесь поселилась. Ворон похлопал крыльями, увидев Таисию, вышедшую из дома. Она с интересом посмотрела на него.

– До чего ж ты, всё-таки, жуткая птица! – изрекла Таисия, покачав головой, – чё хотел-то?

– Карррр! – послышалось, и прямоугольный кусочек картона спланировал с дерева и лёг у ног Таисии. Она посмотрела на белеющий на земле прямоугольник, подняла глаза вверх, посмотрела на ворона и тяжело вздохнула.

– Ты, птица, совсем тёмная! Про басню Крылова «Ворона и лисица» никогда не слышал? Та тоже каркнула и осталась без сыра. Ладно, давай посмотрим, что ты мне принёс!

Этот ворон у Таисии появился неожиданно. В одно раннее утро, выходя в лес за травами, она увидела большого чёрного ворона, который лежал под кустом раненый. У него крыло было почти оторвано, он тяжело дышал. Пройти мимо Таисия не могла, она подошла к ворону, он приоткрыл чёрный глаз, покосился на неё и трепыхнулся, силясь взлететь. Таисия аккуратно взяла его на руки и вернулась домой. Дома достала с полки коробку из-под продуктов, постелила туда тряпицу, положила ворона и стала лечить его крыло мазями. Когда он выздоровел и снова смог летать, то поселился недалеко от её дома и всячески помогал ей.

Таисия подняла бумажку и, прочитав приглашение на шабаш, посмотрела на ворона.

– Курьером подрабатываешь, птица неблагодарная? Я тебя плохо кормлю?

– Карrrrrr! – услышала в ответ на свои упрёки, ворон снялся с ветки и быстро скрылся за деревьями.

Таисия тут же занялась сборами. Ей предстояло путешествие на Лысую гору. Отказаться было нельзя, потому что после получения от бабушки в наследство знаний Рода, которые передавались по женской линии, артефакты и гримуары с колдовскими заклинаниями на все случаи жизни, она должна была пройти посвящение. Ей совсем было не по нраву, что у неё есть Дар, но это то, что она умеет делать лучше всего. Она помогает людям, чем может: вылечить, изгнать нечисть, уничтожить нежить, снять заговор, лишаящий здоровья или жизни. До сих пор она была просто травницей, после посвящения она получит разрешение на колдовство и магию. Сейчас Таисия этим занималась только в целях самосохранения. Сегодня она должна предстать перед Ведьминским Ковеном. Великий Ковен существует много столетий, и в нём состоят могущественные ведьмы. Он властвует над всеми ведьмами и санкционирует их в использовании магии. Ковен собирался, как обычно, на Лысой горе. Мало кому известно, что Лысых гор несколько и ей предстояло лететь на ближайшую.

Таисия взяла метлу, оставленную в наследство бабушкой, осмотрела её и осталась довольна её состоянием. Она не знала, как всё это происходит, и очень волновалась перед встречей с Владыкой Люцифером. На этом сборище она должна пройти посвящение в Ведьмы. Отказаться от посещения шабаша никак нельзя было, иначе Владыка может наложить серьёзное наказание.

Она очень волновалась, потому что на шабаше ей предстояло появиться первый раз, и представить обществу её было некому. Добравшись до заветной горы, она увидела огромную поляну на самой вершине, вокруг поляны были заросли кустарника, а за ним сосны и ели спускались вниз по склонам.

В ожидании Владыки Ведьмы гуляли парами. Пожилые Ведьмы, пришедшие с молодыми, стояли в сторонке в ожидании, когда их пригласят подойти к Владыке для представления. Молодая красивая Ведьма, которой предстоит стать королевой шабаша, тоже стоит в сторонке под присмотром опытной пожилой Ведьмы и видно, очень волнуется, потому что непрерывно тербит руками кружевной платочек.

Таисия, глядя на других, взяла кружку, налила себе из ковша медовухи и выпила, чтобы успокоиться, расслабиться и получить удовольствие от шабаша. Ей всё было ново и интересно. После нескольких глотков медовухи она успокоилась, все заботы и тревоги отпустили, и ей захотелось веселиться, но видимо, пока ещё не совсем потеряла голову и вовремя одёрнула себя. Её посвящение прошло спокойно, на все вопросы она ответила, получила статус Ведьмы и разрешение Владыки на занятие колдовством. Потом было веселье: пили, танцевали, расходились парами на время, возвращались и снова пили. Под утро всё закончилось, и начали разлетаться по домам. Таисия села на метлу, свистнула и полетела к озеру, которое приметила, когда летела на шабаш. Приземлилась на берегу, медовуха всё ещё играла в крови. Таисия разделась, побегала по росной траве нагишом, потом нырнула в холодную воду, поплавала, освежилась, вышла на берег, улыбнулась и, подняв голову вверх, увидев бледнеющую предутреннюю луну, подмигнула ей. Посвежавшая после купания Таисия прыгнула на метлу и взлетела.

Озеро рванулось вниз, а небо – навстречу, наполняя душу восторгом. Она летела над лесом, ветер разметал её волосы, ей хотелось петь, но вдруг, что-то пошло не так.

Хорошо начавшийся день вдруг дал трещину, причём трещину на метле и Таисия ощутила, что она с жуткой скоростью падает и несётся к земле, головой вниз. Полёт закончился быстро, а приземление произошло довольно удачно: сначала она повисла на одной толстой ветке, потом соскользнув с неё и пролетев немного вниз, повисла на другой ветке и в результате упала на мягкий мох под деревом, лежала и не могла пошевелиться. Голова кружилась, как после карусели или после не в меру принятой медовухи. Отлежавшись, Таисия проверила все ли конечности в порядке и заставила себя встать, что далось ей с большим трудом. Осмотревшись, она поняла, что сверзлась с небес в свой родной лес, порадовалась такому везению и отправилась искать свою сумку и метлу. Метла лежала в кустах совсем недалеко от того места, где приземлилась Таисия, обе половинки были рядышком, а сумка висела на кусте шиповника недалеко от метлы. Собрав свои вещи, она не спеша отправилась домой, думая о том, чтобы не встретить какую-нибудь нечисть по пути, бороться с ней не было сил. Хотя местная нечисть чувствовала её силу и старалась лишней раз не попадаться ей на глаза, кому же жить-то неохота, а Ведьма скоро на руку, может и молнией подпалить. А не окружайте, подходите по одному. Иногда бывало, сначала превратит в пепел, а потом думает, надо было спросить, может они к ней за помощью.

Сильный ветер гнул деревья и нёс с собой крупные капли дождя. Лес шумел под сильными порывами, сорванные сучья с шумом падали на землю. Чёрные тучи неслись по небу подгоняемые ветром, наползая друг на друга и проливаясь на землю сильным дождём. Иногда между ними на мгновение показывалась луна, но тучи тут же её закрывали, и в лесу наступала зловещая темнота, в которой раздавались со всех сторон крики, рычание, конский топот и ржание коней.

Светозар, тяжело ступая, шёл по лесу всю ночь. Ноги от усталости были тяжёлыми и он уже с трудом их переставлял. На рассвете стало холодно, от его дыхания шёл пар. Вокруг стоял молчаливый сонный лес. Птицы тоже спали, ни одна пичужка ещё не проснулась, чтобы известить лесных жителей о наступлении нового дня. Светозара сначала била дрожь, которую ничем нельзя было остановить, но поняв, что у него получилось убежать из монастыря, он улыбнулся. Не задумываясь о том, сколько ему придётся пройти без продуктов, он быстро шагнул по лесу, стараясь не выходить на большие открытые поляны. В заплечном мешке, который ему дал Бажень, несколько кусочков хлеба и бутылка с водой. Ночь была холодной, подрясник и скуфья не защищали от холода и от ветра, а теперь ещё и намокли под дождём. В монастыре, наверное, уже обнаружили его исчезновение и игумен Алексей, скорее всего, снарядил за ним погоню. Скоро монахи, как муравьи расползутся по лесу, искать беглеца. Дождь прекратился, но ветер продолжал гнуть деревья, и его порывы подгоняли Светозара в спину. Ноги гудели, от усталости. Его окружала сплошная тьма под вековыми деревьями. Местами ветки елей переплетались с ветками лиственницы, берёзы, осины, мелкого кедровника так густо, что приходилось под ними проползать на четвереньках. Ноги в башмаках увязали во мху. На пути встречались огромные буреломы, пробираясь через которые Светозар старался быть особенно осторожным, чтобы не переломать себе ноги. Мошкара и комары заедали, все открытые места зудели.

Светозар знал, что воины-монахи были хорошо вооружены и на конях, поэтому могут быстро догнать его и вернуть в монастырь, а могут забить плетью, чтобы другим неповадно было. Он пока не знал, куда пойдёт, сейчас ему надо было как можно дальше уйти от монастыря. В мокрых башмаках хлюпала вода. Он шёл, не разбирая дороги, ноги несли его сами через высокую траву, сквозь заросли кустарника. Он продолжал идти, пока, обессиленный, не упал на землю, ожидая приближения монахов, посланных в погоню за ним. Казалось, что он

на минуточку прикрыл глаза, шум ветра становился тише, по мере того, как его слух утрачивал способность воспринимать звуки внешнего мира. Единственное, что он ещё слышал, было биение собственного сердца. У него ломило все тело. Он с отчаянием думал, что вообще не сможет сделать больше ни шагу, так болела каждая косточка, каждый мускул. С тех пор, как среди ночи ему удалось сбежать из монастыря, он без отдыха шёл быстрым шагом несколько часов, всматривался во тьму, стараясь разглядеть или услышать своих преследователей, но ничего подозрительного не обнаружил. Когда очнулся от дрёмы, в лесу в предрассветной мгле уже прорисовывались деревья и кое-где начинали посвистывать, ранние птички, пробуя голос.

Глава

II

Когда Светозар не появился на всенощной, келарь Зосима подошёл к Бажену и поинтересовался:

- Где твой ученик, Бажен?
- Животом мается, бедняга!
- Ну, хорошо, пусть поправляется.

Когда Светозар не пришёл и на утреннюю мессу, келарь пошёл к игумену Алексию. Постучав в дверь и получив разрешение войти, он, чуть приоткрыв дверь, сунул в щель нос и спросил:

- Можно войти?
- Ну, входи уже, Зосима! Что случилось?
- Батюшка Алексей, послушник Светозар не был на всенощной и не пришёл на утреннюю мессу. Старый Бажен, который прикреплён обучать и присматривать за послушником сказал, что он животом мается, но я проверил, послушника нигде нет.
- Как нет? А куда он мог деться?
- Я думаю, он ушёл.
- Куда он мог уйти? Что ты несешь?
- Говорят, сорвал крест и ушёл.
- Кто видел, что он ушёл?
- Ночью он ушёл, никто не видел, все спали.
- А кто же тогда видел, что он сорвал крест?
- Крест лежал на кровати.

– Ты понимаешь, что говоришь? Кругом лес, родных у него не осталось, знакомых нет! Его наставника ко мне! Быстро! И... не надо распространяться об этом. Это может повлиять на настроение братии, а тем более, плохой пример для послушников.

Зосима метнулся в дверь, закрыв её за собой потихоньку с большим трепетом, он побежал в келью к старому монаху. Бажен сидел у стола и читал Молитвослов. Зосима рванул на себя дверь, влетел в келью и сурово сказал:

- Иди, Бажен, батюшка Алексей зовёт! Будешь ответ держать за своего послушника.

Пока Зосима бегал за Баженом, батюшка Алексей вышагивал по своей келье и в гнев кричал:

– Щщенок! Сбежал! Ничего... вернёшься... на коленях будешь ползать умолять, чтобы простили! Сорвать крест?! Такого никогда не было!

Игумен, не дождавшись Бажена, вызвал прислужника. Рясофорный послушник, молодой худой парень болезненного вида, зашёл в келью и склонился у порога в поклоне.

- Сходи за воеводой, пусть быстро идёт сюда!

Воевода, мужчина огромного роста с кустистыми бровями над глубоко посаженными чёрными глазами, зашёл в келью, и там сразу стало мало места. Он остановился у порога.

– Сегодня ночью, накануне пострига, ушёл из монастыря послушник Светозар. Найти щенка! Любой ценой! И притащить сюда! Будет сопротивляться пригнать плетью. Часть

людей пусть прочёсывает лес, небольшой конный отряд пошли на реку, а остальных отправь по сёлам. Пошли гонцов в его имение и пусть там ждут его. Если он не отыщется сегодня, завтра круг поисков придётся расширить, – сказал гневливо игумен.

Воевода сообщил воинам-монахам о задании, они, выслушав его, переглянулись, но не произнесли ни слова, не задали ни одного вопроса.

Светозар встал и побежал, стараясь как можно дальше удалиться от монастыря. Светозар выбежал на берег реки Волхова, огляделся. Лес шёл по обоим берегам реки. Он хотел переправиться на другую сторону и тогда проще будет уйти от погони. Нигде не было ни одной лодьи. Вплавь он добраться не мог, река была широкой, да и течение. Светозар вздохнул и снова пошёл в лес. Только добрался до первых сосен с толстыми стволами, когда услышал глухой стук копыт. Сердце упало, он присел за толстый ствол и постарался с ним слиться. На его счастье это был не монах, мужчина проехал мимо. Светозар улыбнулся и двинулся дальше в лес. Где можно было бежать, Светозар бежал, где-то пробирался сквозь заросли, где-то попадались самые настоящие травяные джунгли. Удары сердца глухо отдавались в мозгу Светозара, лёгкие с шумом втягивали тяжёлый, застоявшийся воздух, наполненный терпкими испарениями прелой хвои.

Светозар остановился, отдышался, осмотрелся вокруг и решил, что дальше идти опасно. Он нашёл укромный, заросший крапивой и лопухами уголок, вытоптал крапиву, сел под лопухом, съел кусочек хлеба, запил водой и лёг, положив мешок под голову, а меч рядом с собой. Небо было затянуто серыми тучами, пошёл мелкий нудный дождь. Одежда у Светозара промокла насквозь ещё вчера, а высушить её небыло возможности. Казалось, что ветер пронизывает его насквозь. Холодными руками он обхватил себя за плечи, пытаясь согреться, всё тело содрогалось от холода, уснуть не получалось. Вскоре дождь прекратился, стало теплее и Светозару удалось заснуть. Проснулся, когда солнце уже село, но идти ещё было опасно. Он посидел ещё немного и с большой осторожностью выбрался из своего укрытия, осмотрелся и побежал.

Бежал, игнорируя холод от мокрой одежды. Бежал, гонимый паническим страхом, перед перспективой быть пойманным. Не оборачиваясь, путаясь в высокой траве и мелком кустарнике, бежал до красных мушек в глазах, а в голове билась одна мысль:

– Бежать! Быстрее! Дальше!

Цепкие ветки кустов зло хлещут по лицу, норовя добраться до глаз, царапая оголенные части тела, особенно страдали руки, которыми он расчищал себе путь, отодвигая ветки. Мир кружится, земля тянет обессиленное тело к себе. Сверху льется яркий лунный свет, упрямо пробирающийся сквозь густые сплетения ветвей. Светозар спотыкается, падает, поднимается и бежит...

Светозар пробежал ещё какое-то время. Луна огромным фонарём висела на очистившемся от туч небе. Он решил остановиться и просушить одежду, решив, что ночью никто его в лесу не будет искать, по крайней мере, несколько часов у него есть. Набрал сухих веток, чтобы развести костёр, достал из мешка кресало, которое он взял ночью на кухне. Ветки плохо разгорались, после дождя ветер их только чуть-чуть подсушил, даже, мох и береста под ветками не разгоралась. Наконец, ему удалось развести костёр, постепенно он разгорелся, Светозар воткнул три палки и растянул на них подрысник, оставшись в одной нательной рубашке, придвинувшись к костру в надежде так высушить рубашку, на себе. Ему страшно хотелось есть, Светозар достал кусочек хлеба, который уже подсох и начал медленно жевать, откусывая маленькими кусочками, растягивая удовольствие. У костра быстро согрелся, и его потянуло в сон.

Светозар вдруг вздрогнул, как от толчка, поднял голову и осмотрелся. Он понял, что неожиданно уснул. Костёр потух, было прохладно. Светозар поёжился, обнимая себя руками за плечи, протянул руку, потрогал подрысник, он был сухим. Светозар снял его с палок и накинул себе на плечи. Прошёлся по кустам, набрал сухих веток и снова развёл костёр, чтобы согреться, да и не так страшно сидеть у костра. В лесной темноте раздавались устрашающие звуки, Све-

тозар вытащил из ножен меч и положил рядом с собой. Он добрым словом поминал старого монаха, нарушившего седьмую заповедь Библии «не укради» и взял на себя грех, сняв его с пьяного монаха-воина накануне побега своего ученика. Светозар так устал, что было очень трудно бороться со сном и он, дождавшись, когда догорит костёр, закатился под разлапистую ель, ветка которой его укрыла полностью от внешнего мира и тут же уснул. Утром, когда солнце взошло, и он согрелся в его горячих лучах, проникавших сквозь веточки ели, ему приснилась мама. Она гладила его по голове и тихим голосом что-то говорила. Ему было уютно около неё, а её ласковые поглаживания вызывали счастливую улыбку. Перед тем, как исчезнуть из его сна, она сказала:

– Всё у тебя будет хорошо, сынок!

Светозар открыл глаза и понял, что улыбается. Ему приснилась мама, чего давно не было. Он сильно по ней скучал. Прошло уже много лет, как родителей не стало, а боль от потери не утихала. Светозара от сна отвлекла мысль о том, что его, скорее всего, уже ищут монахи-воины по лесу. В любовь и помощь Иисуса Светозар уже не верил. Если Иисус любит людей, то почему не делает их счастливыми? Просто так, ни за что. Светозар был уверен, что ни в какой рай его не возьмут: судя по проповедям, получалось, что грешит он на каждом шагу, и не подозревает об этом. А, если он грешник, хотя сам не знает о своих грехах, то, кто, тогда не грешен? Как нужно жить, чтобы не грешить? И, кто, в таком случае, достоин, попасть в рай?

Светозар засыпал место костра сухой травой, достал из заплечного мешка сухарик, съел, запил водой из двухлитровой бутылки, заткнутой бумажной пробкой, снова задвинулся под ель и улёгся на ветки. Он целый день провёл под елью, засыпал, просыпался, прислушивался к тишине, но кроме птичьих трелей ничего слышно небыло, всё-таки Светозар не решался вылезти из-под ели. В лесу стало темно, но на открытом пространстве всё ещё сгущались сумерки, мрачные, неуютные, сжимающие сердце беспомощной тоской. И в вое ветра Светозару чудилось чье-то рыдание: тонкое и жалобное.

Светозар не услышал, а, скорее почувствовал телом топот копыт. Он стал вглядываться в темноту леса и увидел двух всадников. Они двигались в сторону монастыря по наезженной дороге, и Светозар ужаснулся, как он мог так крепко спать, что не услышал топот копыт, когда они днём проезжали мимо него, ведь они могли захватить его сонного. Их клобуки чёрными страшными птицами с огромными крыльями развевались на ветру, полы мантий поднимались и опадали в такт движению лошадей, иногда порыв ветра поднимал их высоко и с силой бросал на круп лошади. Они скакали неспешной рысью, переговариваясь между собой. Светозар подождал, пока монахи проедут мимо и удалятся настолько, чтобы можно было без опаски вылезти из-под ели и продолжить путь, но монахи остановились.

– Никого мы здесь уже не увидим, темно, поехали искать ночлег, до монастыря далеко, надо где-нибудь переночевать, а завтра продолжим поиски, – сказал монах.

– Воевода будет недоволен, а игумен и подавно! – ответил ему напарник, – если мы приедем ни с чем.

Они двинулись дальше. Только Светозар собрался встать, как показалась ещё пара монахов, а за ними ещё четверо. Светозар затаился под елью, сжавшись в комочек и затаив дыхание. Его преследователи зорко осматривали лес, но сумерки сменила ночная темнота и вряд ли они что-то могли увидеть, по крайней мере, Светозара под елью точно им не видно. Они проехали мимо, Светозар подождал ещё немного и выкатился из-под ели. Полная луна, осветившая всё вокруг голубоватым светом, сейчас выступала на стороне преследователей. Не успел он сделать несколько шагов, как сук под ногой треснул неожиданно громко, и даже шум деревьев от ветра не заглушил этого звука. Тут же на поляне появился монах и, подбодрив жеребца кнутом, понёсся к беглецу. Светозар рванулся через кустарник.

...Его гнали, как дикого зверя, обложили со всех сторон. Он слышал позади себя распыленное дыхание преследователей, их азартные голоса:

- Заходи слева! Слева заходи! Быстрее! Уйдёт нехристь!
– Живым взять его! Живым! – слышался другой голос.

Светозар бежал из последних сил, спрятаться негде, кустики редкие, трава низкая. Наконец между тучами выглянула на мгновение луна, и Светозар разглядел впереди овраг, его била дрожь от страха, ему мнилось, что в этом овраге, его спасение. Ему оставалось совсем чуть-чуть до спасительной благословенной тьмы. Он был уже на краю оврага, когда снова выглянула на мгновение из-за тучи луна, и он услышал торжествующие крики своих преследователей. Он рванулся вниз в последней отчаянной надежде спрятаться среди болотных камышей. Ноги запутались в высокой траве, Светозар упал и скатился вниз прямо в болото. Он подскочил и стал продвигаться вглубь болота, раздвигая камыши руками. Болото становилось всё глубже, ноги тонули в илистом дне, болотная трава опутывала ноги. Когда преследователи остановились на крутом берегу оврага, высматривая его, Светозар присел, оказавшись по горло в воде и затаился. Светозар дрожал от холода и в отчаянии предъявлял претензии Господу.

– Господи! Что же ты оставил меня своей милостью с самого детства! Неужели на мне столько грехов, что ты совсем отвернулся от меня, и даруешь свою милость моим преследователям, которые гонят меня по лесу аки зверя, затравили совсем. Отец наш небесный! Обрати свой взор на сироту, отведи беду, ты же можешь!

Светозар уже не питал надежды на спасение, на милость Всевышнего. Если монахи дождутся утра, то они достанут его и в болоте. Монахи расположились на высоком берегу оврага на ночь. Светозару виден был костёр, вокруг которого расположилась братия. Он решил потихоньку продвигаться по болоту в сторону, не выходя на берег, старался двигаться так, чтобы ни всплеска воды, ни шороха камышей не было слышно.

Светозар видел, что костёр уже довольно далеко от него и решился выйти из болота. Вода стекала с него ручьём. Он снял с себя подрясник, отжал, как смог, надел на себя и пошёл быстрым шагом по оврагу вдоль болота. Вскоре выбрался из оврага и побежал. Небо стало светлеть. Светозар почувствовал, что не в силах сделать больше ни шагу и начал падать. Его охватило изумление, что упав, он не почувствовал боли, он распростёрся в высокой траве, сознание его покинуло. При последнем проблеске сознания он попрощался с жизнью и успел подумать, что никогда не увидит, как в ночи на небесном куполе будут мерцать яркие звёзды, и круглая луна будет освещать земные красоты, которые Господь сотворил, будучи в просветлённом расположении духа.

Светозар знал, если монахи его поймают, то смерти ему не избежать. Игумену Алексею не к чему оставлять его в живых, заниматься постригом, подписывать какие-то бумаги, когда можно просто убить его и прикопать где-нибудь в лесу, а его имение, сельцо и крестьян оставить себе. Если Бог поощряет тот беспредел, который происходит там, в монастыре, то ждать от НЕГО помощи напрасный труд и нужно полагаться на собственные силы.

До рассвета было ещё далеко, ветер гнул тонкие ветви берёз и пронизывал Светозара насквозь, всё нутро у него дрожало от холода. Он вспомнил, как в детстве набегавшись зимой по сугробам, он замерзал до такой же дрожи и, прибегая домой залезал на печь, там лежанка всегда была горячей, мама подавала ему горячее молоко и он пил его маленькими глоточками. Тогда он не понимал, какое это счастье, когда рядом мама..., когда отец, глядя на него, улыбается в свои пышные усы..., когда горячее молоко... и нянюшка Миролюба. Если бы вернуть всё назад, он бы пил своё счастье вместо молока мелкими глоточками, он бы дорожил каждой минутой проведённой дома с родителями.

Светозар шёл всю ночь, когда темнота сменилась серым рассветом, ноги у него устали настолько, что ему казалось, больше не сможет сделать ни шагу, он готов был упасть и заснуть. Вдруг между деревьев мелькнул огонёк. Светозар свернул и пошёл на слабый свет, мелькающий за деревьями. Там оказался одинокий починок. Поземная изба, утеплённая завалинкой, и проложенная между брёвен мхом была большой. Светозар приблизился, присел за деревом

и стал наблюдать за избой. Время шло, но никто не выходил. Что-то ему подсказывало, что не надо туда идти, но Светозар видел отряд монахов, который двигался в сторону монастыря. Он встал и пошёл к дому в надежде найти там приют. Нехорошее предчувствие его не оставляло, он хотел уже повернуть назад, но освещённое окно как магнитом притягивало его. Светозар потихоньку подкрался к окну и прислушался. В избе была тишина. Он шагнул за угол избы и подошёл к двери.

Монахи сидели в трапезной за столом и вечеряли тем, что нашли в кладовой у хозяев. Старший, по возрасту, монах Никишка, предупредил хозяина:

– Если беглец зайдёт, не вздумай какой-нибудь знак ему подать, что мы его ждём, иначе запорю кнутом!

Светозар тихонько постучался, дверь тут же распахнулась, и мужчина, подняв лучину, осветил его лицо, молча, отступил в сторону, как бы приглашая войти. Светозару сразу бы смекнуть, тут что-то не так, раз хозяин пропустил его в избу, не спросив, кто таков, да метнуться бы назад и бежать, но он слишком сильно устал, чтобы определить меру опасности. Он бездумно шагнул в ловушку. Не успела закрыться за ним дверь, из трапезной вышли два здоровых монаха, вытирая руками рот. Светозар был немаленького роста, но оказался на полголовы ниже этих обломов. Хозяин поднял лучину выше, и в глазах монахов отразилось пламя.

Светозар тут же забыл про усталость, он почувствовал, как его охватывает ярость. Он никогда не думал, что способен превратиться в зверя, стоял, сжимая и разжимая кулаки, смотрел исподлобья на своих преследователей и думал, кого первым начать убивать. Монахи не оставили ему выбора. Он не отдавал отчёта в своих действиях, это был, как будто, другой человек. Ярость и взбурлившая кровь придали ему силы. Он, зарывав, кинулся на ближайшего монаха и со всей силы ударил кулаком по кадыку, тот схватился за горло, рухнул на пол и захрипел. Он катался по полу, выпучив глаза, и пытался вздохнуть. Второй монах кинулся на Светозара. Сильные пальцы монаха крепко сжали руку Светозара и завернули за спину. Светозар попытался вырвать руку, монах дёрнул руку вверх, Светозар взвыл от боли. Внезапно злость волной понеслась к голове Светозара, к путавшимся мыслям, подавляя страх и придавая сил. Вырвав руку у монаха и пытаясь опередить противника, Светозар выхватил меч, монах отскочил в сторону. Светозар кинулся на монаха и занёс меч над его головой. Монах увернулся от меча, схватил с лавки кнут и резко щёлкнул по мечу, кнут обвился вокруг меча, монах дёрнул и вырвал меч из руки Светозара. Светозар кинулся на монаха, нанес ему удар в челюсть, монах отлетел в угол, снеся попавшийся под ноги стул. Монах, лежавший на полу, потихоньку раздышался и, держась рукой за горло, встал в тот момент, когда Светозар, размахнувшись, собрался нанести второй сокрушительный удар монаху в челюсть, вдруг его руку вывернуло, и пол ушёл из-под ног. Все закрутилось перед глазами, померкло на мгновение, а потом он открыл глаза. Под спиной жесткий, холодный пол, а над ним склонились два монаха.

Монах, держась рукой за горло, с силой пнул Светозара по рёбрам, второй тоже подключился, чтобы отомстить за свою челюсть. Монахи пинали его с двух сторон. Светозар, молча, переносил болезненные удары в живот и по рёбрам, он не хотел перед ними показывать свою слабость, только корчился от боли. Монахи решили, что послушнику преподали хороший урок и пока с него хватит, перестали его пинать. Светозар лежал, скрючившись, прижимая колени к животу.

– Отбегался, нехристь? – воскликнул монах, с опухшей челюстью, у ног которого лежал Светозар, пытаясь прийти в себя.

– Никишка! Неча с ним разговаривать! Прибить бы гада! – шёпотом возмущался монах, держась за горло.

Монахи прижали его к полу, выкрутили руки и обмотали их верёвками, потом связали ноги. Подняли, поставили на ноги и Петруха, держась левой рукой за горло, правой размах-

нувшись, ударил Светозара в лицо. Светозар отлетел к двери, ударившись головой о косяк, сполз на пол и остался лежать.

– Ты его не убил, случайно, Петруха?

– Да убил бы с радостью, но батюшка Алексей требовал привезти его живым! Да и правильно, пусть ответ держит за свои поступки.

– Он не шевелится! – Никишка подошёл и наклонился над Светозаром.

– Да, не переживай за него, он здоровый, как лось. Ничего ему не будет от одного удара.

– Собираемся, поехали в монастырь. – Никишка повернулся к мужчине, который всё это время с лучиной стоял в стороне, – спасибо за хлеб, соль, хозяин.

Светозар очнулся, оглядел комнату и снова закрыл глаза. Им овладело равнодушие к происходящему.

– Помощи ждать неоткуда, – думал Светозар, – если живым доведут в монастырь, то игумен вывернет руки, но заставит подписать дарственные бумаги на имение и земли, а потом сожжёт в назидание всем. Бажена жалко, не переживёт старик, помрёт с горя. Он единственный, кто у меня остался в этом горестном мире. Господи! И Ты это называешь справедливостью? Нашёл, кого наказывать! Сироту!

– Никишка! Давай переночуем, а утром отправимся в монастырь, порадуем батюшку Алексея, – сказал Петруха, снимая клобук и тяжело усаживаясь на лавку.

– Нет, надо прямо сейчас ехать! Завтра к вечеру будем в монастыре, – жёстко сказал его напарник.

– Теперь торопиться некуда, нехристь у нас в руках, – ответив Никишке, Петруха сел на лавку.

– Поедем сейчас! – жёстко сказал Никишка. – Я пойду, оседлаю коней, а ты тут присматривай за беглецом.

– Чё за ним присматривать, он связанный, никуда не денется, – Петруха, зевая, завалился на лавку и закрыл глаза.

Монах ушёл в конюшню. В избе наступила такая тишина, что слышно, как муха жужжит, летая в кругу света лучины над столом. Хозяева ушли в другую комнату. Светозар сидел в углу горницы, боясь пошевелиться, рёбра отзывались болью на каждое движение. Он задремал. Проснулся от того, что его пнули. Светозар открыл глаза, перед ним стоял Никишка.

– Хватит спать, вставай, поехали!

Светозар сам встать не мог. Монахи подхватили его, вынесли из избы, перекинули поперёк спины на Никишкиного жеребца и привязали к седлу. Только заехали под вековые деревья, сразу тьма непроглядная поглотила их. По тёмному лесу ехать быстро невозможно, небо закрыто тучами, луны не видно, Петруха недовольно ворчал.

– Могли бы и до утра остаться, ничего бы не случилось! А в темноте можно ненароком и глаз выколоть, какой ни то веткой.

– Хватит ныть! Сказано сегодня, значит сегодня!

Выехали на знакомую лесную дорогу, коней подбодрили кнутами и те побежали веселей. Монахи стремились как можно быстрее добраться до монастыря, чтобы погордиться своей удачей и увидеть казнь дерзкого богохульника. Светозар сначала смотрел на мелькающие в темноте копыта, потом у него закружилась голова, и он закрыл глаза. Сердце его наполняла горечь неудачи и осознание собственного бессилия. Видимо, ему судьбой уготована смерть в монастыре, либо от розог, либо на костре сожгут. Единственное, что он может сделать – это не просить прощения и не визжать от боли, чтобы не дать монахам насладиться своим превосходством, своей силой перед беззащитным и связанным послушником.

Через несколько часов изнурительной езды у Светозара разболелась голова. После удара об косяк, да долгой езды вниз головой его многострадальная голова готова была разорваться от резких болевых молний, но Светозар, молча, переносил все тяготы возвращения в монастырь,

старался отвлечься от головной боли и думал о том, что попался в ловушку благодаря собственной глупости. На рассвете Никишка остановил коня, спешил и объявил привал. Светозара отвязали от лошади, посадили под деревом и дали попить воды. Светозар был голоден, но монахи еды ему не предложили, да ему и нельзя было есть, потому что дорога неблизкая, а висеть на лошади с полным желудком было бы тяжело. Он сидел, прислонившись головой к дереву и закрыв глаза. Головная боль немного отпустила, и Светозар прислушался к лесным звукам. Рассвет ещё не наступил, но темнота слегка посерела. Пока неслышно было весёлого щебета птиц, только ветерок шевелил верхушки деревьев, да шелестел листвой, пробегая по лесу. Светозар задремал. Ему приснилось, как на зеленом просторе, в окружении согретых солнцем холмов, среди разбросанных перелесков, в море разнотравья, под летней голубизной небес, среди медленно проплывающих облаков, летает душа с маминым лицом. Мама ласково улыбается и обещает ему, что всё у него будет хорошо. Ему хотелось, чтобы мама с ним осталась, но она, покачивая головой, скрылась за облаком, и тут Светозар проснулся от пинка. Его снова погрузили на жеребца, привязали к седлу и поехали дальше.

Дорогу он помнил плохо, рёбра болели, головная боль да мельканье копыт запомнилось. Он время от времени впадал в забытие. Приходя в себя, он молил Всевышнего:

– Господи! Услышь меня! Если Ты не хочешь мне помочь обрести свободу, тогда помоги сдохнуть скорее! ...Если Ты существуешь и спокойно смотришь на творимое Зло, то ты несправедлив. А, если Ты, Господи, существуешь и справедлив, если это не Ты множишь мои несчастья, то помоги мне..., помоги же! – Небесные выси не отозвались на его просьбу. – Глас вопиющего в пустыне! – усмехнулся Светозар.

Стало уже смеркаться, когда они въехали в монастырский двор. Все сбежались посмотреть на беглеца. Никишка спешил, отвязал Светозара и скинул его с высокого жеребца, как мешок. Светозара ноги не удержали и он упал. Подошёл Петруха, они с Никишкой развязали ему ноги и, подхватив под руки, поставили. Светозар стоял, пошатываясь, осмотрел толпу мутным взглядом и увидел Бажена. Наставник стоял в стороне, смотрел на своего ученика с болью в глазах и рукавом рясы смахивал слёзы со щёк. Вышел игумен Алексей, не спеша подошёл к Светозару, посмотрел на него долгим суровым взглядом, и повернулся к Никишке.

– Бросьте его в клеть под замок, да свяжите ноги, а завтра на костёр богоотступника!

Никишка с Петрухой подхватили Светозара под руки и повели к хозяйственным постройкам, которые стояли почти у самого забора. Келарь быстро посеменил следом за ними, гремя ключами, нанизанными на большое кольцо. Бросив Светозара в клеть, где находились запасы дров, крепко связали верёвками ноги и вышли. Келарь закрыл за ними дверь на замок. Толпа любопытных монахов и послушников стала расходиться в предвкушении завтрашнего зрелища.

Бажен, когда увидел, что привезли Светозара, схватился за сердце, пытаясь унять возникшую вдруг боль. В груди пекло и дыхание перехватывало. Как только Светозара увели в клеть, старый монах вернулся к себе в келью. Он свалился на постель, до которой еле добрался и лежал, не в силах поднять голову от подушки. Старый монах все дни молил Бога, чтобы монахи не нашли Светозара, а сегодня, как увидел его, так сразу ему стало плохо, и он еле дошёл до своей жёсткой постели. Он лежал и думал, как помочь Светозару, ведь он был единственной радостью в его жизни. А, если не получится помочь ему сбежать, то пусть его сожгут вместе с его любимым учеником, больше ему жить незачем. До полуночи старик думал, как сбросить Светозара от костра и решил, пока братия спит перед всенощной, надо попробовать освободить его из клетки. Опыта у монаха в таких делах не было, но он был настроен решительно. Впервые в жизни Бажен решил пойти против игумена и братии.

Бажен упаковал свои запасы хлеба и яблоч-падалиц с монастырского сада, завернул в узелок, туда же положил бутылку с водой. Дождавшись, когда все уснут, Бажен тихо выскольз-

нул из своей кельи, прихватив узелок с едой и поясной обоюдоострый нож, который лежал у него припрятанный с незапамятных времён, когда он его подобрал после пьяной драки двух монахов, и крадучись, в темноте, пошёл вдоль стены к келье келаря. Бажен знал, что все ключи у келаря висят на кольце и на ночь он их вешает в своей келье на гвоздик за дверью. Бажен подкрался к двери, прислушался, в келье было тихо. Он приоткрыл дверь, заглянул, келарь спал, отвернувшись к стене. Монах чуть шире открыл дверь, бесшумно проскользнул в келью, зашёл за дверь, пошарил рукой по стене, рука наткнулась на ключи, они звякнули, келарь зашевелился. Бажен присел, сердце от страха выскакивало из груди. Он сидел затаив дыхание. Келарь перевернулся на спину, задышал ровно, слегка посвистывая носом. Бажен встал, осторожно снял кольцо с ключами с гвоздя, выскользнул из кельи, тихо прикрыв за собой дверь.

Старый монах шёл по коридору к выходу и молил Бога, чтобы никто ему не встретился. Ему было страшно, потому что всю свою долгую жизнь он жил праведной жизнью, старался не грешить и перед сном у себя в келье подолгу молился, просил Господа простить ему вольные и невольные грехи, содеянные за день. Но только сейчас он понял, что проведённая в монастыре жизнь ничего ему не дала хорошего. Единственную радость послал ему Господь – это послушник Светозар. Он для него стал светом в окне, его радостью и счастьем. Выбравшись во двор, Бажен осмотрелся, притаившись у стены. Было тихо, все спали. Добравшись до клетки, Бажен присев, стал подбирать ключ к замку. Он боялся, если кто-то выйдет на улицу, то его сразу увидят. Дверь гридни у ворот закрипела, два монаха из охраны вышли с факелом, и пошли вдоль монастырских стен с обходом. Бажен, бросив ключи на землю, на четвереньках побежал за клетку, там упал на землю, прижавшись к стене, прикрыл голову капюшоном и замер. Монахи шли не спеша, освещая перед собой путь и переговариваясь. Бажен дождался, когда они удалились, встал, полусогнувшись, подбежал к двери, быстро перебирая ключи, подобрал нужный, открыл замок, зашёл в клетку и закрыл за собой дверь.

Светозар прислушался. Тихий скрежет у двери заставил его насторожиться. Реальность впиалась в тело веревками, а в дверь кто-то тихо скребся. Звук был тихим, прошло несколько минут, прежде чем дверь приоткрылась на миг, и кто-то вошёл в клетку. Шаги человека были неслышными, как и его дыхание. В полной темноте разглядеть вошедшего было невозможно, и его сердце тревожно забилося. Чьи-то руки быстро зашарили по его ногам, острое лезвие перерезало веревку, и он услышал такой знакомый и родной шёпот.

– Светозарушка, мальчик мой, как ты?

– Бажен?! Ты зачем пришёл? А, если тебя увидят?

– Сынок! Я старый, мне помирать уже не страшно! Давай-ка сюда руки, я верёвки твои разрежу.

Светозар повернулся к Бажену спиной, старый монах, нащупав верёвки, разрезал их, сунув в руки Светозару поясной нож и узелок с едой, потянул его за руку из клетки. Они с большой осторожностью вышли из клетки и двинулись к забору, осматриваясь по сторонам. Добравшись до забора, Светозар обнял старого монаха.

– Спасибо тебе, Бажен! Я твою доброту век буду помнить! Храни, тебя, Господь! Опять ты меня спасаешь! Скажи, а как же ты?

– Беги мой мальчик, за меня не беспокойся! С Богом! – Бажен перекрестил Светозара.

Они повторили тот же трюк, что и в первый раз. Бажен наклонился, держась руками за перекладину забора. Светозар аккуратно поставил ногу ему на спину, стараясь не давить всей своей тяжестью, он почти висел на руках, пока не ступил со спины старого монаха на перекладину. Перебирая руками и ногами по перекладинам забора, добрался до верха, и перемахнул через забор.

– Прощай, Бажен! – прошептал Светозар из-за забора.

– Прощай, мой мальчик! Беги отсюда быстрее, пока все спят!

Избитое тело болело, но Светозар был настроен решительно, представляя какие лица будут утром у монахов, когда увидят, что его нет, и тут же пожалел Бажена, как бы свою злобу монахи не обрушили на него. Светозар бежал через небольшое поле к лесу и слёзы застилали глаза. Обида на свою судьбу отдавалась болью внутри. Чем он заслужил эти беды? Почему родители оставили его так рано без своей защиты? Почему чужие люди распоряжаются его жизнью? Он ладошкой вытирал бегущие слёзы, которые мешали ему смотреть, а горькие рыдания не давали дышать полной грудью. Он не готов был умерщвлять плоть и гордость, ему хотелось радости и счастья, хотелось жить полной жизнью, а Богу угодны муки, слёзы и молитвы, произносимые погрязшим в грязи, стадом рабов, всякое проявление радости и счастья, заклеивший позором. Светозару пришла в голову неожиданная мысль: надо бежать к князю и просить защиты. Ведь родительские угодья и сельцо было пожаловано князем его отцу, значит, монахи творят беззаконие, присвоив его угодья. Но, подумав, Светозар решил, пока он попадёт к князю, его поймут монахи и заточат в тюрьму или сожгут.

Бажен, проводив Светозара, присел у забора отдышаться, сердце болело, ему бы лечь скорее в постель, да до неё ещё дойти надо. Он посидел немного у забора, передохнул, с трудом поднялся на ноги и потихоньку, стараясь не шаркать ногами, пошёл вдоль забора. С трудом зашёл в здание, где жили монахи, и направился по коридору к келье келаря, чтобы вернуть ключи. Осталось совсем немного, когда почувствовал сильную усталость. Остановился, тяжело вздохнул, сполз по стене и сел на пол. Открыв рот, пытался вдохнуть хоть немного воздуха, в голове застучало, в глазах потемнело, голова его упала на грудь, рука разжалась, и ключи со звоном упали на пол. Когда монахи потянулись на всенощную, старого монаха нашли мёртвым у кельи келаря, рядом лежали ключи. Монахи кинулись к клетке, где был заперт Светозар, но того и след простыл. Игумен Алексей, в гневе потрясая руками и посылая проклятия во все стороны, снова отправил отряд монахов-воинов на поиски беглеца.

– Догнать!! Поймать!! Немедленно!!

Светозар добрался до берега реки Волхов, на высоком берегу стояло небольшое село. Светозар обошёл его стороной, памятуя о ловушке. В лесу было ещё темно, чёрная туча наползала на небо с запада и грозила пролиться сильным дождём. Дул холодный западный ветер. Светозар отбежав подальше от монастыря, сел под кустом, развязал узелок, съел кусочек хлеба с недозрелым яблоком, запил водой, которую Бажен не забыл положить, встал и побежал дальше. Бежал до самого рассвета, иногда, чтобы отдохнуть, переходил на быстрый шаг. Когда чуть развиднелось и стало видно тропинки, Светозар решил найти место, где можно было переждать день и отдохнуть. Он спустился в овраг и там, в густых зарослях мелкого кустарника утопав траву, сел и положил рядом с собой узелок. Монахи отобрали у него ножны с мечом, но Бажен дал ему поясной обоюдоострый нож, который Светозар спрятал под подрясником. Положив нож рядом с собой, лёг и уснул крепким сном.

Проснулся от того, что кто-то сидел рядом и громко сопел. Светозар испугался, приоткрыл один глаз и увидел чёрную морду с небольшими рожками.

– Станный какой-то козёл, – подумал Светозар, – вместо носа пяточок, как у свиньи, – открыл второй глаз, увидел длинный хвост с кисточкой, острые уши торчком и рожки, потом скосил глаза и увидел копытца. Ему подумалось, что он спит и видит сон, но вдруг услышал:

– Спишь, придурок? А тебя ищут!

– Это ты кого придурком назвал? Меня?!

– Тебя, конечно, тут больше никого нет!

– А ты?

– Я не в счёт, монахи не меня ищут!

– Слышь, ты, козломордый! Хамить будешь – сильно пожалеешь!

– Кто козломордый? Я?! А ты дебил! – обиженно сказал чёрт.

Светозар резко выбросил кулак вперёд, и он тут же встретился с пяточком на наглой морде. Нечисть завизжала от боли, и на Светозара посыпались яростные удары крепких копытцев. Светозар защищался, прикрывая лицо руками. Пару раз копытом попало Светозару по скуле.

– Что за чёрт! Ты что тут делаешь? Сгинь нечистая сила! – вскочил Светозар, и сон как рукой сняло.

– Я-то понятно, что здесь делаю, живу я здесь! А ты чего разлёгся, как у себя дома? – возмутилась нечисть!

– Сплю! Что незаметно? Слушай, а ты, правда, чёрт?

– Что, чертей никогда не видел?

– Не видел! Я думал, черти бывают только в сказках!

– Ну, в сказках само собой, но я же перед тобой, можешь даже меня потрогать! – Чёрт протянул Светозару свою парнокопытную конечность. – Здесь, в лесу, всякой нечисти полно и все живы и здоровы. Конечно, после Крещения Руси всю нашу братию поприжали, но, пока жить можно! Только священникам лучше на глаза не попадаться, святой водой брызгаются, подлюки, а для нас это почти смерть, потом долго приходится очухиваться и восстанавливать свои силы.

– Я так понимаю, вы все по лесам рассредоточились?

– Да, нет! Живём, кому, где нравится! Вон замок тут недалеко есть, полуразрушенный, там полно всякой нечисти, и всем хватает места! Ты-то, куда путь держишь, лихоимец?

– А тебе какое дело?

– Помочь хочу!

– И как ты мне решил помочь?

– Я знаю, что ты скрываешься от погони. Монахи прочёсывают жилища и лес. Чем ты им насолил?

– От пострига отказался и крест выбросил!

– Охтыжбля! Ты спятил?! Теперь тебя найдут и сожгут на костре или сдохнешь в тюрьме!

– Уже чуть не сожгли, вдругорядь не дамся! Но сначала пусть найдут, а там посмотрим!

– И у меня проблема! – загоревал чёрт, – я тоже в бегах.

– А у тебя, что за проблема, почему в бегах?

– Дочь нашего главного соблазнил, а она собралась потомка мне принести, её папа требует, чтобы я женился и признал её чертёнка своим. Ну да, я знаю, что он мой, но жениться, пока не готов. Вот и бегаю! А там же кроме неё ещё с пяток чертовок бегают беременных, а мне их всех содержать трудновато будет. Да хуже! Вообще не на что! Я ещё молодой, и мне не по силам такую ораву прокормить.

– Ага! Не надо было без разбору соблазнять всех подряд, козёл любвеобильный!

Светозар огляделся. Чёрт сидел и безмятежно рассматривал лес. Светозар повернулся к нему.

– Чё расселся, козломордый, пошли уже куда-нибудь! Сам говоришь за мной погоня! Спасай!

Чёрт встал, обмахнулся хвостом и, молча, отправился вглубь леса. Светозар пошёл за ним следом, посматривая по сторонам. Уже начало темнеть, и он был уверен, что на ночь глядя, никто в лес не полезет. Но непроглядная ночь ещё не наступила, и Светозар опасался наскочить на монаха, припозднившегося в лесу.

– Козломордый! А погоня далеко отсюда, нас не настигнет? – на всякий случай поинтересовался Светозар.

– Они, конечно, дебилы, но не до такой же степени, чтобы в лес почти ночью лезть, из-за какого-то придурка!

– Однажды, совсем недавно, когда они меня везли в монастырь, то ехали ночью!

– Сравнил! Везти ночью пойманного или ночью искать беглеца в лесу! Не отставай!

Вот так, при неожиданно сложившихся обстоятельствах, две, совершенно несовместимые личности оказались вместе, каждый озабочен своей ситуацией и поисками выхода из неё.

Светозар осмотрел чërта с ног до головы, и лёгкая улыбка заиграла на губах. Они углубились в лес. Светозар еле успевал бежать за шустрым чërтом, а ещё с появлением этой нечисти, ему вышло небольшое облегчение, потому что нечисть взяла на себя проблему Светозара, где спрятаться. Солнце уже совсем село, в лесу быстро темнело, а они всё шли, останавливаясь на минутку передохнуть и сориентироваться. Идти всё-таки лучше, даже, если ноги уже не идут, чем сидеть на месте у костра и ждать, пока тебя найдут и захлестнут петлю на шее.

– А вот и замок! – радостно махнув хвостом, сказал чërт.

– А мы зачем сюда? – поинтересовался Светозар, – сам сказал, что в замке всякой нечисти полно. Но чërт не соизволил ответить, только прибавил шагу.

Они подошли к полуразрушенной стене замка. Жизненная энергия растительного мира словно бросала вызов природным стихиям, медленно разрушающим каменное строение, возле которого были уже огромные заросли кустарника. Чërт сел на камень, потирая натруженные копыта, и зазвучали сварливые нотки:

– Чего застыл, безбожник? Садись, обсудим наши планы!

– Ты, козломордый, собрался в чужую недвижимость забраться?

– А у тебя есть выбор?

– Если погоня сюда доберётся, нам обоим не поздоровится!

– Меня, между прочим, зовут Франия, чтоб ты знал!

– Ну, извини, козломордый, буду знать! А я – Светозар. Так какого рожна, Франия, ты меня сюда привёл?

– Светозар! Тут столько подвалов, проходов, переходов, что тебя сроду не найдут, это во-первых! Во-вторых, я знаю точно, что в этом замке где-то спрятан волшебный перстень, который тебе обязательно надо найти, и тогда никакая погоня не страшна будет.

– А откуда он здесь взялся?

– Здесь когда-то жил Князь, богатющий страсть, а жена у него была Ведьмой и когда об этом узнали монахи, они пришли за ней, чтобы сжечь на костре. Мой дядя в то время был около замка, у него тоже была мечта завладеть волшебным перстнем, и видел, когда её уводили, перстня на её пальце не было, притом, что она его никогда не снимала, это доподлинно известно.

– А твоему дяде, зачем нужен был перстень? Он тоже ходок по чертовкам?

– Не то слово! Я, видимо, в него пошёл! – хохотнул Франия.

– А что же Ведьма не воспользовалась своим колдовством, чтобы спастись?

– Они пришли неожиданно, она спала, их впустил слуга, и они сразу отправились к ней в спальню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.